

Глава 1

Опалин

Лондон, 1921

Мои пальцы нежно гладили корешок книги, и тисненый рельеф обложки позволял сознанию уцепиться за нечто материальное, за то, во что я верила больше, чем в фантастический спектакль, который разыгрывался прямо на моих глазах.

Мне исполнился двадцать один год, и матушка решила, что настало время выдать меня замуж. Мой брат Линдон отыскал, к несчастью, какого-то недалекого претендента — кажется, он только что унаследовал семейный бизнес, связанный с... ввозом товаров из каких-то отдаленных мест? Я почти не слушала.

— У женщины твоих лет есть лишь два варианта, — заметила матушка, ставя блюдце с чашкой на маленький столик подле кресла. — Выйти замуж или же найти занятие, в достаточной степени благородное.

— Благородное? — скептически переспросила я. Стоило только бросить взгляд на нашу гостиную с ее облупившейся краской на стенах, с выцветшими занавесками — и нельзя было не восхититься напыщенностью, которую демонстрировала матушка. Брак родителей был мезальянсом, о чем

матушка старалась почаще напоминать отцу, дабы он не позабыл.

— А обязательно делать это именно сейчас? — осведомился Линдон, обращаясь к нашей горничной, миссис Барретт, которая чистила каминную решетку от золы.

— Мадам пожелала разжечь огонь, — ответствовала горничная тоном, который не подразумевал и тени уважения. Сколько себя помню, она всегда присматривала за домом и слушалась только матушкиных приказов, а с прочими обращалась так, будто мы не более чем самозванцы.

— Суть в том, что ты должна выйти замуж, — повторил Линдон, ковляя по комнате и тяжело опираясь на трость.

Он был на восемнадцать лет старше меня, и всю правую сторону тела ему изуродовало шрапнелью во Фландрском сражении. Брат, которого я знала, остался похоронен где-то там, на поле боя, а от ужаса, то и дело проскальзывавшего в его глазах, меня бросало в дрожь. Не хотелось признавать, но я начинала всерьез бояться его.

— Он составит тебе хорошую партию. Пенсии отца матушке едва хватает, чтобы вести хозяйство. Пора наконец оторваться от твоих драгоценных книжек и выйти в реальный мир.

Я еще крепче сжала в руках книгу. Очень редкий том — первое американское издание «Грозового перевала», подарок отца, как и любовь к чтению в целом. Будто талисман, я носила при себе книгу в тканевом переплете, на корешке которой была золотом выгравирована наглая ложь: «От автора „Джейн Эйр“». Мы с отцом совершенно случайно наткнулись на нее, гуляя по блошиному рынку в Кэмдене (о чем, разумеется, не должна была прознать матушка). Позже я узнала, что английский издатель Эмили Бронте намеренно допустил эту ошибку, желая нажиться на коммерческом успехе «Джейн Эйр». Книга была отнюдь не в лучшем состоянии: по краям тканевый переплет потрепался,

а на обороте и вовсе щеголял V-образным вырезом; страницы едва не выпадали, потому что нитки, которыми их когда-то прошили, истерлись от времени и пользования. Однако для меня все эти детали, включая запах крепких сигарет, который впитала бумага, были подобны машине времени.

Возможно, тогда-то и упало первое семя в благодатную почву. Я поняла: книга никогда не бывает такой, какой кажется.

Думаю, отец надеялся, что любовь к книгам перерастет в любовь к учебе, но в моем случае она лишь усилила отвращение к урокам. Я жила в мечтах и каждый вечер мчалась домой из школы, чтобы с порога начать упрашивать его почитать мне. Отец работал на государственной службе, был хорошим человеком и любил учиться новому. Он говорил, что книги — это нечто большее, чем просто слова на бумаге, что они, подобно порталам, переносят нас в другие места и другие жизни. Я всей душой полюбила книги и те миры, что скрывались в них, и этой любовью была обязана отцу.

— Если наклонить голову, — сказал он мне как-то раз, — можно услышать, как старые книги шепчут о своих секретах.

Я нашла на полке старинный том в переплете из телячьей кожи со страницами, выцветшими от времени. Поднесла его к уху и крепко зажмурилась, воображая, что вот сейчас-то я услышу все тайны, которые хочет поведать мне автор. Однако этого не случилось; по крайней мере, никаких слов я не уловила.

— Что ты слышишь? — спросил отец.

Я помедлила, позволяя звукам наполнить меня до краев.

— Я слышу... море!

Казалось, будто к уху поднесли раковину, будто страницы перелистывает свежий морской бриз. Отец улыбнулся и потрепал меня по щеке.

— Папа, это они дышат, да? — спросила я тогда.

— Да, — ответил он. — Ты слышишь дыхание историй.

Когда в 1918 году отец умер от испанки, я всю ночь провела подле него, без сна, держа его уже холодную руку и читая вслух его любимую книгу — «Дэвида Копперфильда» Чарльза Диккенса. Глупо, но тогда я воображала, будто слова смогут вернуть его к жизни.

— Я отказываюсь выходить замуж за мужчину, которого никогда в жизни не видела, исключительно для того, чтоб поправить семейные финансы. Сама эта идея абсурдна!

На этих словах миссис Барретт уронила щетку, металл зазвенел о мрамор, а лицо брата исказилось. Он терпеть не мог громких звуков.

— Подите вон!

Колени у бедной женщины были уже немолодые, поэтому она поднялась на ноги только с четвертой попытки, после чего гордо покинула комнату. Не знаю, каким чудом она удержалась и не хлопнула дверью.

Я тем временем продолжала защищаться.

— Если я для вас такая обуза, то это легко решается — я просто уеду и начну жить самостоятельно.

— И куда же, во имя всех святых, ты намерена отправиться? У тебя ведь ни гроша за душой, — прокомментировала матушка. Ей уже минуло шестьдесят, и мое появление на свет она всегда считала «небольшим сюрпризом», что звучит весьма затейливо, если не знать о ее стойком отвращении к любого рода неожиданностям. Меня растили люди много старше меня, и это лишь усиливало мое стремление вырваться на свободу и познать современный мир.

— У меня есть друзья, — упрямо сказала я. — И я могла бы работать!

От этих слов матушка так и ахнула.

— Ах ты неблагодарная дрянь! — рыкнул Линдон.

Я попыталась вскочить со стула, но он мертвой хваткой вцепился мне в запястье.

— Мне больно!

— И будет еще больнее, если не начнешь делать, что говорят!

Я дернула рукой, пытаясь высвободиться, но он держал крепко. В поисках поддержки я оглянулась на матушку, но та внимательно изучала ковер, не поднимая глаз.

— Понятно, — мрачно сказала я. Итак, Линдон теперь хозяин дома, и именно за ним будет последнее слово. — Я... буду.

Однако он все еще не отпускал меня, нависая так близко, что я ощущала его кислое дыхание.

— Я сказала, что сделаю, как ты хочешь! — Наши взгляды пересеклись, и я попыталась отстраниться. — Я встречаюсь с этим... воздыхателем.

— Ты за него *выйдешь*, — отрезал Линдон и медленно отпустил меня. Я тотчас принялась разглаживать юбку, сунув книгу под мышку.

— Значит, решено, — продолжил он, холодно глядя куда-то сквозь меня. — Я приглашу Остина на ужин, сегодня же вечером. Там и уладим все формальности.

— Да, брат, — согласилась я и удалилась наверх, к себе в комнату.

Порывшись в верхнем ящике туалетного столика, я нашла наконец сигарету, которую стащила когда-то из тайника миссис Барретт на кухне. Открыла окно, подожгла ее и медленно затянулась, будто роковая женщина из кинофильма. Потом села за туалетный столик, а сигарету положила на старую устричную раковину, которую подобрала прошлым летом на пляже. Мы отдыхали тогда с моей лучшей подругой Джейн, и она еще не вышла замуж — какое беззаботное время! Хоть женщины теперь и получили право голоса, но удачный брак все еще принято считать единственной достойной перспективой.

Я тронула место, где кончались волосы, на затылке, не сводя глаз со своего отражения. Матушка едва не лишилась чувств, увидев, что я сотворила со своими длинными локонами. «Я больше не маленькая девочка», — сказала я ей тогда. Но разве можно было в это поверить? Мне нужно стать современной женщиной, научиться рисковать... Но если нет денег, что я могу, кроме как повиноваться старшим? Почему-то снова вспомнились слова отца.

«Книги подобны порталам...»

Я бросила взгляд на книжную полку и снова глубоко затянулась сигаретой.

«Что бы сделала Нелли Блай?»

Я часто задавалась этим вопросом. Нелли Блай воплощала бесстрашие — американская журналистка, которая, вдохновившись книгой Жюль Верна, совершила кругосветное путешествие всего за семьдесят два дня, шесть часов и одиннадцать минут. Она говорила, что если внутри горит огонь, если правильно его направить, то можно достичь любой цели. Будь я женщиной, непременно заявила бы, что до брака намерена устроить гран-тур по Европе. Мне хотелось прикоснуться к другим культурам. Мне всего двадцать один, а я еще ничего не сделала и толком ничего не видела.

Я снова посмотрела на книги. Решение было принято еще прежде, чем дотлела сигарета.

— Сколько вы дадите за них?

Я наблюдала за тем, как мистер Тертон перелистывает мои «Грозовой перевал» и «Собор Парижской Богоматери». Он владел маленькой душной лавкой (которая на деле являла собой просто длинный коридор без окон) и постоянно дымил трубкой. От дыма воздух делался еще более спертым, а глаза у меня слезились.

— Два фунта, и это еще скажите спасибо, что я сегодня щедрый.

— Ох! Мне нужно намного больше.

Мистер Тертон углядел в стопке отцовского «Дэвида Копперфильда» и, не успела я возразить, уже принялся листать его.

— Эту я не продаю, — быстро сказала я. — Она мне... очень дорога.

— А между тем это весьма интересный экземпляр. Так называемое издание для чтения, поскольку именно его Диккенс держал в руках, когда публично зачитывал роман.

Нос картошкой и крошечные глазки придавали книго-торговцу сходство с кротом. Он даже понюхал ценную книгу, будто это был редкий трюфель.

— Мне это известно, — ответила я, пытаясь высвободить том из его жадной хватки. Мистер Тертон невозмутимо продолжал, будто уже всю продавал его на аукционе.

— Роскошный переплет, чистая телячья кожа. Очаровательное издание: корешок богато украшен и позолочен, как и края страниц, форзацы расписаны акварелями.

— Эту книгу подарил мне отец. Она не продается.

Он глянул на меня поверх очков, будто я тоже была книгой, которую ему предстояло оценить.

— Мисс?..

— Карлайл.

— Мисс Карлайл, это один из наиболее хорошо сохранившихся экземпляров подобного рода, который я когда-либо держал в руках.

— Вы забыли упомянуть иллюстрации Хэблота Брауна, — с гордостью добавила я. — Вот видите, он подписался здесь карандашом? Фитц — это его псевдоним.

— Могу предложить за нее пятнадцать фунтов.

Кажется, весь мир в эту секунду стих, как бывает всегда, когда принимаешь судьбоносное решение. Одна дорога

обещала свободу и неизведанный мир. Другая вела прямиком в позолоченную клетку.

— Двадцать фунтов, мистер Тертон, и она ваша.

Он прищурился и сдержанно усмехнулся. Я знала, что он заплатит, а он знал, что я жизнь положу, лишь бы выкупить обратно эту книгу. Когда он отвернулся, я сунула обратно в карман «Грозовой перевал» и покинула ломбард.

Так началась моя карьера книготорговца.

Глава 2

Марта

Дублин, девять месяцев назад...

Холодным темным вечером, подходя к дому в георгианском стиле из красного кирпича и чувствуя, как капает у меня с куртки, я не планировала оставаться на Халф-Пенни-Лейн. Женщина по телефону звучала не слишком дружелюбно, но мне было некуда идти, а денег осталось мало.

Мое путешествие в Дублин началось неделю назад, на автобусной остановке у края деревни, на другом конце страны. Не знаю, сколько я там просидела, не помню, было ли тепло или холодно, проходил ли кто-нибудь мимо. Все мои чувства притупились, осталось лишь одно непреодолимое желание — уехать прочь. Правым глазом я ничего видела, так что не заметила, как подъехал автобус. Все тело будто онемело, но, когда я сползла по каменной стене, ребра зааныли. И даже тогда я не позволила мыслям устремиться в прошлое. Только не это. Даже когда водитель вышел из кабины, чтобы помочь мне занести в автобус чемодан, даже когда он окинул меня таким взглядом, будто я бежала из тюрьмы. Даже тогда я велела себе не вспоминать о прошлом.

— Куда? — коротко спросил он.

«Куда угодно, только подальше отсюда».

— В Дублин, — ответила я.

Может быть, Дублин — это достаточно далеко. Я смотрела, как за окном проплывают деревенские пейзажи. Всей душой я ненавидела эти поля и эти маленькие городишки, в которых из всех достопримечательностей — школа, церковь да дюжина пабов. Эта серость давила на меня.

Должно быть, я задремала, потому что в какой-то момент подскочила от ощущения, что он снова на мне, что я закрываю лицо руками. Я не понимала, как защищаться. Он был слишком быстр. А когда он схватился за кочергу, душа моя ушла в пятки. Конец всему. Конец всем надеждам, которые у меня когда-то были, всем глупым, наивным мечтам. В ту секунду я поняла: в этом мире каждый сам по себе. Никто не придет тебе на помощь. Люди не способны измениться вот так, по щелчку пальцев, они не начнут в один прекрасный день уважать тебя. Нет, они будут копить обиду и злобу и вымещать это на всех подряд.

Я должна была сама спасти себя.

— Только кофе и сэндвич с сыром, пожалуйста, — сказала я официанту, выбирая самое дешевое, что было в меню.

Мне не слишком везло онлайн, так что я взялась искать работу в газете. Всю неделю я жила в хостеле, и денег уже совсем не осталось.

Тогда-то мне и подвернулось это объявление: «Требуется домработница. Жилье гарантируется».

Я позвонила по указанному телефону и уже на следующий день стояла на крыльце величественного дома и стучала в блестящую черную дверь. Мадам Боуден — именно так она велела к себе обращаться — не походила ни на кого из моих прежних знакомых. Она носила боа из перьев и бриллиантовые серьги, словно шагнула прямиком с телеэкрана, из какого-нибудь исторического сериала. Спустя

пять минут знакомства она уже потчевала меня историями о том, как выступала в Королевском театре, как танцевала с труппой и играла в старых пьесах, о которых я никогда в жизни не слышала.

— Люди считают меня эксцентричной, ну а я их — скучными, так что, как видите, все относительно. Как, вы скажи, вас зовут?

— Марта, — в третий раз повторила я, спускаясь за ней по лестнице в подвал. Мадам Боуден ходила, опираясь на трость, и, хотя она устроила из этого целый спектакль, двигалась весьма резво. Я предположила, что ей за восемьдесят, однако годы, казалось, не затронули ее. Как истинная актриса, она выбрала роль персонажа, неподвластного времени.

— Последней девушке, которая у меня работала, очень здесь нравилось, — сообщила мадам Боуден тоном, который подразумевал, что и мне надлежит ощущать то же самое.

Было так темно, что я не могла толком ничего разглядеть — только половинчатое окно под потолком, за которым виднелись ноги людей, вышагивающих по улице. Мадам Боуден стукнула тростью по выключателю, и меня окатило светом из яркой лампочки в подвесном светильнике. Поморгав, я увидела односпальную кровать в углу и шкаф у противоположной стены. Рядом со входом располагалось что-то вроде маленькой кухоньки, а дверь следом вела в крошечную ванную комнату с душем. Линолеум на полу загибался у краев, обои были в аналогичном состоянии — и все же я сразу почувствовала себя в безопасности. Мой уголок. Пространство, которое я могу назвать своим. Могу даже закрыть дверь и не бояться, что кто-то вломится.

— Ну? — Мадам Боуден выразительно приподняла бровь.

— Все замечательно, — проговорила я.

— Разумеется. А я что говорила?

— Так... работа моя?

Она прищурилась, оценивая мою растрепанную личность. Оставалось только благодарить бога, что у мадам Боуден, должно быть, весьма посредственное зрение, потому что она, кажется, не заметила, что у меня разбито лицо. А если и заметила, ее это не отпугнуло.

— Полагаю, что да, — наконец согласилась она. — Но не обольщайтесь, я беру вас, так сказать, по дефолту. Никто больше не обращался, представляете? Это беда вашего поколения, вы совершенно не готовы трудиться. Хотите только сидеть в этих ваших «тики-токах» и ждете, что за это вам будут платить...

Она ушла, продолжая бормотать, а я осторожно присела на кровать и вслушалась в скрип пружин. Будто сломанный аккордеон. Правда, это не имело значения, ведь главное, что здесь меня никто не найдет. Я поставила будильник на семь утра. Судя по ее словам, квартирная хозяйка ожидала от меня поутру «изысканную трапезу», то есть завтрак мишленовского уровня из того, что найдется в холодильнике. Что ж, подумаю об этом позже.

Я провалилась в благословенный сон, даже не сняв с себя мокрую одежду и не опустив жалюзи.

Я проснулась и сразу подскочила на кровати. Почему так светло? Где я? Почему звенит будильник? Пробуждающееся сознание отмело вопросы один за другим, и я оглядела свой наряд. Старые джинсы и мешковатый джемпер... Не знаю, как одеваются домработницы, но вряд ли в таком стиле. Я открыла чемодан и достала длинное серое вязаное платье. Я с трудом помнила, как бросила его туда. Должно быть, какая-то часть моего сознания подумала, что надо взять вещи, которые не придется гладить.

Я быстро стянула джемпер и как раз расстегивала молнию на джинсах, когда увидела за окном чьи-то ноги. Кто-то

проходил мимо подвала. Я затаилась. И выдохнула, только разглядев коричневые замшевые ботинки со шнуровкой. Не *его* ботинки.

Придерживая джемпер поверх лифчика, я наблюдала, как незнакомец за окном рассказывает взад-вперед, полукругами. Что, черт возьми, он творит? Во мне поднялась волна гнева, и, приложив все силы, я ухитрилась распахнуть окно и высунуться наружу, опершись руками о подоконник.

— Эй, извините!

Нет ответа. Я громко прокашлялась — по-прежнему ноль внимания.

— Я могу вам помочь?

— Сильно сомневаюсь.

Я была удивлена, услышав английский акцент, потому что начала уже думать, что к этим ногам не прилагается никакое тело. Лица полностью я все еще не видела, но в поле зрения то и дело возникали отдельные фрагменты. Так уж я была устроена — сразу начинала считать людей, хоть это порой и приносило мне много проблем. Этот мужчина казался рассеянным, ищущим, несчастным.

— Что вы здесь делаете? — От безысходности я продолжала вести разговор с его голенищами.

— Не думаю, что вас это касается. А что здесь делаете вы?

— Живу! — возмущенно ответила я, жалея, что ввязалась в разговор вместо того, чтобы просто опустить жалюзи. — Так что вы, мистер Любопытный Том, идите куда-нибудь подальше.

Голос немного дрожал. Я определенно не была готова препираться с незнакомцем, но в то же время мне отчаянно хотелось уединения. Его ботинки зашаркали по грязи, и в следующее мгновение он опустился на корточки, а лицо оказалось прямо передо мной. Оно совсем не подходило к его резкому, словно бритва, голосу. Глаза светились теплом

(карие? зеленые? ореховые, может быть?), а волосы то и дело падали на лицо, закрывая их. Однако выражение было таким ироничным, словно он готов оспаривать каждое мое слово.

— Вы сказали: «Любопытный Том»? — явно забавляясь, переспросил он. — Вас что, машиной времени зашвырнуло к нам из восьмидесятых?

Не знаю, что мне нравилось меньше: когда меня игнорировали или когда насмехались. При всем этом он раздражающе заразительно улыбался, демонстрируя неидеальные зубы, — должно быть, играл в футбол и получил мячом по лицу, блокируя пенальти. Я невольно улыбнулась в ответ, но тут же приняла серьезный вид.

— Слушайте, если не отвяжете, я вызову полицию!

Он поднял руки, признавая поражение.

— Я извиняюсь, я искренне прошу прощения! Меня, кстати, зовут Генри. — И он протянул ладонь для рукопожатия. Я молча пялилась на руку, пока он ее не убрал.

— Честное слово, я не подглядывал за вами. Я... я ищу кое-что.

«Очень правдоподобно», — подумала я.

— И что же вы потеряли?

— Ну... — Он оглядел пустынный участок земли между домом мадам Боуден и соседским и запустил пальцы в свою и без того взъерошенную шевелюру. — Не то чтобы потерял...

Я закатила глаза. Он точно Любопытный Том... или как там сейчас их называют, неважно. Извращенец! Сто процентов. Я уже открыла рот, чтобы заявить это вслух, как он вдруг сказал нечто такое, чего я никак не ожидала:

— Останки! Я ищу останки...

— О господи, здесь кто-то умер? Так и знала! Здесь такая странная атмосфера, я почувствовала сразу, как приехала...

— Ох, нет-нет, боже! Не такие останки. — Он склонил голову, чтобы поймать мой взгляд. — Слушайте, я понимаю,

что объясняю путано, но клянусь, ничего дурного в этой истории нет. Просто... трудно вот так рассказать.

Какое-то мгновение мы молчали: он скрючился у стены, а я наполовину высунулась в окно, стоя на табуретке, — и в это мгновение раздался звон колокольчика.

— Это что еще было? — спросил он, пытаясь заглянуть внутрь.

Я оглянулась и увидела старомодный звонок с проводом, уходящим к потолку. Судя по всему, у меня тут намечалась собственная версия «Аббатства Даунтон». Снова повернувшись, я припомнила его имя: Генри.

— Сделаете мне одолжение? Что бы вы ни искали, поищите это где-нибудь в другом месте, — попросила я и решительно захлопнула окно прямо у него перед носом.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

